

©—1995 С. В. НИКОЛЬСКИЙ

## В ЗЕРКАЛЕ ИРОНИИ И САТИРЫ

### (скрытые мотивы и иллюзии в прозе М. Булгакова)

В статье анализируются некоторые иносказательные мотивы в творчестве М. А. Булгакова и раскрываются иронические аллюзии на реальных лиц и конкретные события, связанные с репрессиями против церкви и духовенства в 20-е годы. Затрагивается повесть «Роковые яйца» и рукописные редакции романа «Мастер и Маргарита».

Analysed in the article are some allegorical motives in M. A. Bulgackov's work revealing ironic allusions to real persons and events, connected with the repressions against the Church and the clergy in the 20s. The narrative «Fatal Eggs» and the aditted manuscript of the novel «The Master and Margarite» are touched upon.

В статье о поэтике романа «Мастер и Маргарита» О. Кушлина и Ю. Смирнов сделали тонкое наблюдение, обратив внимание на скрытые семантические «подсказки», которые иногда звучат в авторской речи у Булгакова в виде повторяющихся фрагментов определенных слов, ключевых по отношению к изображаемому в данной сцене персонажу. Сами эти слова не произносятся, словно на них наложено табу, и прямое название отсутствует. Но зато применяется косвенное. Суть этого приема станет ясна из примера, который приводят авторы статьи, анализируя начальную сцену романа «Мастер и Маргарита». Они отмечают, что Булгаков «в авторской речи озорно подсказывает, кто такой иностранный консультант», причем подсказывает, «воздействуя больше на подсознание читателя, нежели рассчитывая на его рассудочный анализ. Автор чертыхается, но, в отличие от Берлиоза, делает это замаскированно, подспудно, настраивая читателя на нужную волну: «оЧЕРТил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень ЧЕРными красками», — обратите внимание, требовательный к слову Булгаков пишет: не обрисовал, не изобразил, не описал, а очертил, т. е. в одном из возможных значений этого слова «уподобил черту». А через несколько страниц «иностранец... прищуренными глазами поглядел в небо, где... бесшумно, ЧЕРтили ЧЕРные птицы», которые в одном из первых вариантов были воронами — спутниками дьявола... Но сам Воланд одет не в черное, как это, казалось бы, должно быть, а в СЕРый костюм, такие же туфли и СЕРый берет. И выплывает ассоциация: ЧЕРТ — СЕРА, и кажется, она достоверна, потому что Воланд в романе единственный раз появляется в СЕРом одеянии, намекая на еще одно необходимое условие своего появления — запах серы» [1, с. 117].

Подобную ворожбу с корнями и фрагментами ключевых слов иногда можно наблюдать и в других главах романа Булгакова, да и в других его произведениях. Случается, что в подсказывающих фрагментах и звуках резонирует непосредственно имя того или иного реального человека, которого автор скрыто изображает. Интересен, например, в этом отношении рукописный вариант главы «Сон Никанора Ивановича», в которой осмеивается практика конфискации ценностей у населения, широко применявшаяся советскими властями в 20-е — 30-е годы. В главе рассказывается, как Никанору Ивановичу Босому, который после ареста